

Два спектакля

...Произошел несчастный случай. Точнее, совершилось преступление: секретные материалы попали в руки врага. И хотя все, как будто, обошлось благополучно, — украденные документы возвращены, — положение остается тревожным: в горах обдувает враг. Кто он? Где скрывается? Кто ему помогает?

Ответ на эти вопросы дается только в самом конце пьесы М. Малярского и Д. Холендро «Несчастный случай». Вплоть до последней картины авторы предоставляют зрителю возможность догадываться, предвещая, вместе со следователем разгадываться в запутанных обстоятельствах.

Сюжет пьесы очень занимательный. Но ее значение не исчерпывается этим. «Несчастный случай» — не просто увлекательная пьеса детективного жанра. Это пьеса о подлинной и ложной бдительности, произведении, утверждающее доверие к советскому человеку, как основу общественных и личных взаимоотношений в нашей стране.

Именно эта тема подлинной бдительности, основанной на доверии к советским людям, тема высокой человечности социалистической законности стала центральной темой спектакля «Несчастный случай» в Магнитогорском драматическом театре имени А. С. Пушкина (режиссер А. Пришвин, художник П. Томилковский).

Эта тема наиболее отчетливо раскрывается в принципиальном столкновении между двумя следователями — Даныо и Гришаевым.

Начальник следственного отдела Даныо в своей работе исходит из осознания огромной ценности каждой человеческой жизни. Она верушно верит в высокие идейные и нравственные качества простого советского человека, бережно относится к людям и, зорко раскладывая очень сложные обстоятельства дела о краже документов, стремится не только найти настоящего преступника, но и отбросить от подозрений честных советских людей.

Следователь Гришаев, наоборот, в каждом человеке склонен видеть возможного

врага, ко всем относится недоверливо, по-доброму и на основании своих подозрений, далеко не всегда подкреплённых доказательствами, готов делать выводы. За порученным ему делом Гришаев не видит людей, судьбы человеческие ему безразличны.

Конфликт между Даныо и Гришаевым — не частное столкновение. Это — борьба двух принципов, порожденных разным отношением к жизни, к людям.

Именно так раскрывается этот конфликт в Магнитогорском театре, и в такой серьезной, принципиальной постановке вопроса — значение спектакля, его политический смысл.

Сцены в кабинете следователя стали ключевыми сценами спектакля. Они решены серьезно и строго, в них четко, последовательно проводится главная мысль.

Режиссеры и исполнители счастливо избежали опасности пойти по линии наименьшего сопротивления и выдвинуть на первый план колоритно написанные эпизоды с уголовниками «Макинтошем» и «Лодочкой». Артисты Ф. Илюмов и В. Добина ведут эти роли выразительно, но с большим тактом, не теряя чувства меры, не мешая зрителю сосредоточить внимание на ходе следствия. И зрительный зал с напряженным вниманием следит за разворачивающимися событиями, от души чувствуя Даныо в ее настойчивом стремлении найти подлинного преступника.

Даныо (ее играет артистка М. Некрасова) с первых минут своего пребывания на сцене вызывает у нас глубокое уважение. Перед нами человек умный, серьезный, волевой и душевный. Мы верим, что она способна найти путь в самом запутанном делу.

М. Некрасова обладает драгоценным умением мыслить на сцене, и зритель внимательно следит за ходом ее мысли, подзеркивает ее так же горячо, как горячо и резко осуждает Гришаева.

Гришаев (артист Е. Трифонов) — не враг, но вредитель. Но он не верит людям, не

понимает, что наш закон призван прежде всего охранять права и защищать интересы советского человека. И хотя Гришаев субъективно честен, объективно он применяет бред.

Итак, тема доверия к советским людям стала основной темой спектакля Магнитогорского театра, борьба за их интересы — основой драматического конфликта.

Кто же эти люди, как они воплощены в спектакле?

Постановщик — режиссер А. Пришвин и исполнители приложили немало усилий, чтобы создать на сцене убедительные образы людей «хороших и разных».

Умный, горячий Козырев (А. Зайцев), добрый и чуткий Язын (А. Несмелов), угрюмый, но честный и цельный Ломов (С. Лохвицкий), красавица, строгая Анна (Ф. Миронова), непосредственная, искренняя в чувствах Клава (З. Букогина), горюшница, добродушная Харитоновна (А. Шипунова), — все они вызывают у нас симпатию. Нам, так же как и следователю Даныо, хочется верить им, несмотря на то, что обстоятельства складываются так, что почти каждого из них мы можем подозревать в преступлении.

Но, отбывая серьезную работу актеров, нельзя не упомянуть, что почти всем им свойственны недостатки одного и того же характера: А. Зайцеву мешает излишняя нервозность (главным образом, в первой картине, где она ничем не оправдана), С. Лохвицкому и особенно Ф. Мироновой — подчеркивая многозначительность.

Некоторый «перекор» есть и у Ю. Кузнецова, который разработал интересный и запоминающийся образ Пецова, но излишне переиграл его в начале спектакля не-приятными черточками, сразусторажающими зрителя. (Значительно лучше в этом отношении ведет роль Харитоновна М. Казанки).

Итак, многим актерам, особенно в начале спектакля, мешает излишний нажим. Думается, что в этом отношении повзрослевших спектакля, который, так нам кажется, излишне стеснил атмосферу тревоги в первой картине.

Еще ничего не случалось, еще все спо-

койно в доме Козыревых, но режиссер уже дает нам почувствовать, что над этим домом висит угроза, что здесь непременно должны разыгаться драматические события, что ошущается в общей повышенной нервозности, напряженности жизненного ритма, в многозначных долгих паузах...

Такое нагнетение тревоги там, где по логике вещей ее не должно быть, мешает полному, зоркому выявлению взаимоотношений действующих лиц. Думается, что для более яркого звучания основной темы спектакля было бы значительно важнее подчеркнуть в первой картине не претчуждые беды, а ту обстановку взаимного доверия, уважения, в которой живут герои спектакля, простые советские люди, встретившиеся в далеком северном городе.

Показательно, что в дальнейших сценах, решенных режиссером верно по мысли, в хорошем напряженном ритме, актерская нервозность сглаживается, почти совершенно уходит.

В спектакле «Несчастный случай» есть недостатки, есть спорные моменты, но общее впечатление он оставляет хорошее: радуем в нем серьезность, продуманность замысла, четкость решения, стремление к жизненной достоверности.

В сожалению, нельзя сказать того же о втором спектакле, выпущенном Магнитогорским в нынешнем году, — об «Иване Рыбакове» В. Гусева (режиссер Д. Козловский, художник Ф. Лупач). Этот спектакль, наоборот, несмотря на отдельные довольно яркие удачи, оставляет ощущение неугодности, даже тревоги.

Прада, в спектакле «Иван Рыбаков» есть интересные актерские работы, прежде всего — живой, сложный образ Рыбакова-младшего, в исполнение которого артист Р. Духов вложил и верную мысль, и хорошую искренность, и подлинный темперамент. Такого темперамента, горячего сердца недостаток Рыбакову-отцу (артист Д. Козловский), но зато этот артист владеет своей профессиональной культурой.

Можно говорить об удачной работе Г. Лежнев (Титов), о верном решении образов Фомина (И. Давалин), Настя (В. Шарина), тети Кати (К. Тихонова), Язын (Р. Трофимова).

Но отдельные удачи и достижения не

могут искупить серьезные недостатки общего решения спектакля.

В постановке «Иван Рыбаков» не хватает жизненной правды. События, происходящие на сцене, как бы оторваны, абстрагированы от конкретной обстановки, показаны вне времени, вне той жизненной атмосферы, воссоздание которой является обязательным требованием реалистического искусства.

В этом отношении показательнее вышнее оформление спектакля. Цветно вы будете искать в декорациях художника Ф. Лупача хоть какие-то приметы жизни, времени.

Кабинет генерала, обставленный служивыми вещами, совершенно не меняется в дни войны (даже окна не затеняются!); мощная улица, лаворому которой мы видим в глубине сцены, улетает зрелищем пустого тротуара; дома, написанные художником мрачно, смотрят на нас темными окнами. Все это разрушает иллюзию жизни, разрушает веру в подлинность происходящего.

Особенно остро ошущается недостаток жизненной достоверности в картине, действие которой разворачивается на фронте.

Ничто здесь не говорит о близости боя, о грозной атмосфере битвы. Изысканный пейзаж о аккуратными кустиками, чуть прокумарив осенней позолотой, гораздо ближе подходит для сцены загородного пивняка, а песня, которую поют за кулисами женские голоса, еще более усиливает ощущение мира, покоя.

Встают, у автора действие этой картины происходит не ранней осенью, а суровой зимой. Перенес ее на осеннее время, режиссер произвольно разорвал непрерывную линию действия пьесы, нарушил логическую связь событий, психологическую правду: события, следующие непосредственно одно за другим, оказались разлетенными промежутком в девять месяцев, а психологическое состояние героев не изменилось. А разве Иван Рыбаков, который с огромным нетерпением ждет ответа на свое письмо в отцу, может быть так спокоен, так весел, едят этот, чрезвычайный для него валуны, ответ не придет так долго?

Абстрактность, неясность в жизненной ткани пьесы чувствуются в режиссерском

решении сцен бучетника Николая (В. Юферева) и официанта Маруся (К. Камкина), которые у автора живут своей, насыщенной определенным действием, жизнью, а в спектакле становятся персонажами, нужными только «для фона».

Может быть, не стоило бы говорить о таких частностях, но эти частности серьезные, чем кажется на первый взгляд. Они свидетельствуют о том, что работа над текстом пьесы велась недостаточно углубленно и серьезно, что актеры и режиссер не стремились проследить и выявить в спектакле непрерывную линию жизни героев.

Другими словами, речь идет не о тех или иных частных недостатках, а о самом методе работы, о подходе чрезвычайно важных, имеющих принципиальное значение.

Коллектив Магнитогорского театра — коллектив серьезный, сильный. В нынешнем году ему предстоит большая и напряженная работа: в перспективном плане театра такой спектакль, как «Золотоотропимленники» Д. Н. Мамина-Сибиряка. К 39-й годовщине Великой Октябрьской революции магнитогорцы собираются осуществить постановку одной из героических пьес советского репертуара.

При таких серьезных задачах вопросы методики приобретают особое значение. Нельзя мириться с тем, что один из лучших театров области не всегда оказывается на высоте современных требований к спектаклю искусству. Думается, было бы очень полезно организовать в этом театре углубленное изучение наследия К. С. Станиславского, провести ряд лекций по вопросам режиссерского и актерского творчества.

Большую помощь в этой работе могло бы оказать областное управленческое учреждение Челябинского областного Всероссийского театрального общества, которые могут и должны систематически направлять своих представителей в театры области для просмотра спектаклей, творческих собеседований, чтения лекций.

Разумеется, организовать такую работу вовсе не легко. Но усилия, затраченные на нее, помогут дальнейшему творческому росту магнитогорского театра.

И. СКИДИ.